

М. В. Брянцев

Англо-советский конфликт 1927 года в представлении населения советской провинции

На протяжении ряда лет второй половины 1920-х гг. в СССР существовала ситуация, получившая название «военная тревога». Она достигла апогея в 1927 г., когда были разорваны дипломатические и торговые отношения Великобритании с СССР. Затем последовали убийство советского полпреда в Польше П. Л. Войкова и переворот в Китае. Советское руководство не преминуло воспользоваться ситуацией для решения ряда внутри- и внешнеполитических задач.

Проблема «военной тревоги» 1927 г. отражена в ряде современных публикаций, посвященных различным аспектам этого события¹. Однако общественные настроения данного периода на региональном уровне изучены недостаточно, особенно это касается англо-советского конфликта. Причина такого положения кроется не столько в табуированности предложенной темы в советской историографии, сколько в сложности самого объекта исследования. Настроение — важный компонент общественного сознания, который обладает определенной долей изменчивости и пластичности; он способен колебаться от поддержки до отторжения мероприятий власти. Как пишет известный специалист по массовому сознанию Д. В. Ольшанский, «политико-психологическая природа массовых настроений проявляется в том,

***Брянцев Михаил
Васильевич***
доктор исторических
наук, профессор,
Брянский
государственный
университет
(Брянск, Россия)

что они становятся заметными при расхождении двух факторов: притязаний (ожиданий) людей, связанных с общими для значительного множества, массовыми потребностями и интересами, обычно порождаемыми социально-политической системой, с одной стороны, и реальных условий социально-политической жизни — с другой»². Особенно разительными такие расхождения становятся в сложные, узловые моменты существования власти.

Одним из важнейших событий, оказавших влияние на нагнетание военной истерии в СССР, стал англо-советский конфликт. 27 мая 1927 г. английское правительство консерваторов объявило о разрыве дипломатических и торговых отношений с СССР. Уже 1 июня 1927 г., всесторонне оценив возможные последствия этой акции, ЦК ВКП(б) выступил с обращением «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», в котором призвал советский народ быть готовым к отражению империалистической агрессии. Вероятность вступления в войну с ближайшим (на западной границе), а затем — со всем «капиталистическим окружением» повысилась до критической отметки. На пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1927 г. Г. Е. Зиновьев так и заявил: «Война неизбежна, вероятность войны была ясна и три года назад, теперь надо сказать — неизбежность»³.

В обстановке растущего напряжения советские власти вынуждены были усилить контроль за настроением населения. В частности, Брянский Губком в письме секретарям Укомов и Райкомов ВКП(б) требовал от парткомов в связи с «последними международными и внутренними событиями» «немедленно принять меры к улучшению учета и наиболее быстрой присылки в Губком всех материалов, характеризующих настроения широких масс рабочих и крестьян, их предложения, а также факты недовольства, конфликтов и т. п.». В случае чрезвычайных событий и конфликтов сводки должны были высылать «немедленно», не дожидаясь недельной сводки. При составлении сводки предлагалось широко применять «материалы, поступающие от ВК и ячеек, фракций профсоюзов и советов, ГПУ и др., а также записки, подаваемые на собраниях докладчикам». Кроме того, следовало «использовать неопубликованные письма рабкоров и селькоров». Особенно пристальное внимание рекомендовалось обратить «на лучшее усвоение самих событий со стороны комсомола и его реагирование»⁴.

Партийным организациям на уровне волостных комитетов было вменено в обязанность налаживание строгого учета и надзора «за служивым элементом, специалистами и исключенными т[оварищами] из партии, бывшими ранее партийцами». Партийные же активисты пошли дальше, заявляя, что настроения рабочих надо изучать «в первую очередь парторганизаторам и цехячейкам по всем назревающим вопросам». Причем каждому коммунисту вменялось в обязанность «провести разъяснительную работу по выяснению трудящимися напряженного международного политического положения и возможности военной интервенции на СССР со стороны Англии»⁵. Таким образом, была предпринята попытка осуществления тотального контроля населения с вовлечением в эти мероприятия самых широких слоев коммунистов низовых партийных организаций, что позволяло получать информацию из первых рук. Одновременно привлечение к контролю рядовой массы партийцев давало власти возможность возложить ответственность за настроения среди населения на всех членов партии.

Примечательно и то, что значительная часть населения, поддавшись агитационно-пропагандистскому нажиму по нагнетанию военной истерии и проповеди классовой солидарности, была готова на ущемление своих прав и свобод. Так, на заводе «Профинтерн» Брянской губернии слышались голоса о необходимости сплочения внутри страны и оповещения крестьян о происходящих событиях с целью единомыслия. Рабочие заявляли о понимании сложности международной ситуации и неизбежности «кровопролитной классовой борьбы» и поддерживали мероприятия власти по борьбе со шпионажем, даже требуя «объявить красный террор»⁶. В условиях агитационно-пропагандистского давления усиливалась подозрительность среди населения, которое охотно делилось своими наблюдениями с властью, передавая ей самые невероятные сообщения.

Главной причиной столь пристального внимания властей стало не только выявившееся в процессе проведения агитационно-пропагандистских мероприятий недовольство части населения советской властью, но и то, что ее противники в условиях «военной тревоги» пытались наладить взаимодействие друг с другом в стремлении организовать на случай войны. Власти боялись возможности возникновения пятой колонны, и такие опасения были небеспочвенны, так как в разных регионах СССР стали отмечаться случаи организации недовольных существующей властью. В одном из сел Новгородской губернии кулаком, местным попом и уполномоченным по сплаву Древлестра была организована маевка, посвященная разрыву с Англией, на которой присутствовали попы и кулаки окрестных сел, обсуждавшие свои действия на случай войны⁷. Сплочение противников власти отмечалось в селе Даниловка Клинцовского уезда Брянской губернии. В селе Красная Гора той же губернии местное духовенство провело нелегальное собрание, где было принято решение о новой встрече⁸. Активизацию антисоветских элементов в условиях обострения отношений с Англией и ожидания войны вынуждены были признать и органы ОГПУ⁹.

Разрыв отношений с Англией стал одним из поводов, использованных властью для решения своих внутривластных проблем¹⁰. В стране была организована целая агитационно-пропагандистская кампания по разъяснению случившегося: митинги, собрания, различные акции — все это стало важным атрибутом жизни советских людей не только в крупных центрах, но и в маленьких деревнях. Так, в Брянской губернии были организованы митинги протеста среди рабочих и городские конференции, в деревнях проводился «массовый день», посвященный международным событиям, «с охватом огромной массы крестьянства». Только в течение 8–9 июня и только по Брянску были проведены 24 митинга, в Почепском уезде — до 90 митингов с охватом 10 тыс. крестьян¹¹. В Калужской губернии при помощи низового партактива на местах были проведены кампании в виде митингов протеста в связи с разрывом торговых и дипломатических отношений с Англией, была разъяснена сущность убийства Войкова и «др. террористических актов внешней и внутренней контрреволюции, во время чего разъяснился смысл правительственного сообщения в связи с этими событиями»¹². В Смоленской губернии пошли несколько иным путем, предусматривая «ознакомить широкие массы крестьянства не путем ударной кампании, а приурочивая их к собраниям крестьян, сходкам, заседаниям и Пленумом ВИКов, с/советов и других организаций,

а в избах-читальнях, библиотеках и красных уголках проводить по этому вопросу специальные беседы». Была использована и кампания по сбору сельскохозяйственного налога. Об этом говорили на уездном совещании хозяйственников. Только в одной Бельско-Пригородной волости было сделано 30 докладов о международном положении¹³. В пропагандистскую кампанию были включены профсоюзы.

Для разъяснения международной обстановки активно использовалась проводившаяся в июле «Неделя обороны СССР», в ходе которой массированной обработке подвергались не только красноармейцы, но и «содружественные организации». Так, в конце июля 1927 г. в Брянске, Карачеве, в Фокинском и Володарском поселках были проведены красноармейские собрания по вопросам: «международное положение и задачи обороны СССР», «опасность новых войн и значение Осо-АВИАХИМа», «наш ответ Чемберлену» и пр. В ходе этой кампании проводились самые разные мероприятия от политзанятий до выпуска стенгазет. В течение «Недели» пропагандисты из воинских частей объясняли гражданскому населению значение «Недели обороны». Им читали доклады, лекции, проводили беседы на темы о международных событиях. Помимо этих мероприятий для населения устраивали показательные военные занятия в поле, а в Карачеве были инсценированы уличные бои. Люди посещали учебные кабинеты, казармы, участвовали в состязаниях по стрельбе¹⁴. В ходе таких мероприятий власти не только формировали нужный образ происходящих событий, но и делали основной акцент на непосредственном наблюдении за настроением населения. Уездным комитетам партии вменялось в обязанность выявлять наименее устойчивые волости, усилив «разъяснительную работу в этих районах, посылая туда наиболее крепких докладчиков». В этом же направлении должны были действовать и органы ОГПУ, которым предписывалось «увеличить внимание по изучению и взятию на учет наиболее активных антисоветских групп крестьянства». Такие же задачи ставились и перед партийными фракциями в органах власти, которые помимо разъяснительной работы обязывались брать «на учет наиболее антисоветских элементов»¹⁵.

Выносившиеся на митингах и собраниях резолюции безальтернативно одобряли внешнюю политику советского правительства, призывали население к военизации. В Бельском уезде Смоленской губернии в резолюциях требовалось: «Изжитие мирных настроений, больше внедрения военных знаний в коммунистическую среду, организация и развертывание широкой деятельности по военизации трудового населения»¹⁶. Ничего нового в этих призывах не было. Большевики постоянно проявляли заботу о милитаризации населения, но англо-советский конфликт обострил ситуацию. Руководство СССР почувствовало временность мирной передышки, пропаганда готовности к войне вышла на новый, более высокий уровень. Огромные массы населения были втянуты в различные мероприятия милитаристского толка. Агрессивность внешней политики СССР выливалась на страницах ведущих советских изданий. По подсчетам Дж. Брукса, около 20 % газетного пространства «Правды» и «Труда» и до 36 % «Крестьянской газеты» были отведены под статьи, описывающие враждебные акты или агрессивное поведение на международной арене, что создавало одномерную картину жизни за рубежом¹⁷. Только в июле 1927 г. Политбюро дало указание прессе проявлять большую сдержанность при освещении внешнеполитических событий. Ей предписывалось не «раздувать

отдельных, хотя бы и опасных, явлений во внутренней жизни... и сообщать о них с максимальным спокойствием»¹⁸.

Через митингов и собраний по поводу англо-советского конфликта имела определенный успех: властям удалось в какой-то мере переломить ситуацию в условиях нарастания недовольства населения на экономической почве. Информаторы отмечали, что «последние события вызвали перелом в настроении рабочих». И связано это было с международными событиями — англо-советский конфликт, убийство Войкова в Польше, события в Китае, которые резко повысили градус советского патриотизма. Многие граждане СССР, упрекая советское правительство в нерешительности, требовали при необходимости «пустить оружие в ход»; раздавались голоса «Даешь войну!»¹⁹. Несомненно, важную роль в таких настроениях играла агитационно-пропагандистская кампания, нагнетавшая состояние перманентного конфликта и формирующая состояние агрессии в сознании населения. Властям удалось сконструировать те установки и ценности, которые оправдывали любые формы насилия в отношении других людей²⁰.

Составители сводок отмечали, как правило, повышенный интерес населения к проводимым мероприятиям, но незначительная численность их участников свидетельствует о несколько ином отношении к ним рабочих. Так, на собраниях и митингах в Клинцах, устроенных на фабриках посменно, количество рабочих не превышало 100 чел., а общие митинги собирали не более 500²¹. Отмечаемое единодушие в принятии предлагаемых резолюций тоже не должно вводить в заблуждение. Как показал А. В. Голубев, эти резолюции писались под диктовку и оказались «разительно схожи в разных частях страны»²².

Несмотря на оптимистические оценки поведения рабочих на этих митингах, в сводках отмечались и случаи выражения рабочими своего недовольства. Так, на Глуховской фабрике им. Зиновьева Клинцовского уезда рабочие последней смены не только проявили пассивное отношение к мероприятию, но и выражали свое недовольство криками негодования. На совещании партактива этой же фабрики, согласно протоколу совещания, большая часть рабочих заявляла о нежелании войны, а «отдельная часть рабочих говорит, что “пойдем против комиссаров”». Некоторые предъявляли счет власти: «Много обещала, но ничего не выполнила, а теперь обращаются к нам за помощью»; «будет война, покупаемся в жидовской крови». Агрессивное поведение проявляли и рабочие Людиновского машиностроительного завода, заявлявшие: «В Англии правительство своих коммунистов будет рвать столовыми вилками, а у нас мы будем колоть своих навозными вилами»²³. Враждебное отношение к коммунистам и их власти было весьма распространено среди рабочих различных регионов страны²⁴.

Крестьянское недовольство властью выливалось в различные формы протеста: в Тамбовской губернии, в Армавирском, Майкопском, Ставропольском и Амурском округах крестьяне отказывались голосовать за резолюции, в которых указывалось на их готовность защищать СССР²⁵. Это же отказались сделать крестьяне двух селений Милеевской волости Жиздринского уезда Калужской губернии²⁶. В д. Иржино Нижегородской губернии раздавались призывы не отчислять в фонд «Наш ответ Чемберлену» по причине того, что все действия СССР по подготовке к войне только провоцируют Англию²⁷. Крестьяне многих регионов страны фактически

сорвали начатую осенью 1927 г. «Неделю обороны» и отказывались жертвовать в фонд обороны, отмечая свое нежелание воевать²⁸.

Общим фоном агитационно-пропагандистских мероприятий власти стала негативная оценка десятилетнего правления большевиков в глазах крестьян. Так, крестьяне д. Родково Износковской волости Медынского уезда Калужской губернии чуть ли не всей деревней заявили, что в случае войны они воевать за советскую власть не пойдут, мотивируя это следующим: «За 10 лет своего существования Советская Власть никакой помощи крестьянам не дала, а даже хуже того, чем жили при царе, когда можно было заработать лишнюю копейку». Подобные разговоры отмечены и в соседних деревнях²⁹.

На крестьянское недовольство своим положением накладывалась негативная оценка внешнеполитической деятельности СССР. Мнение о виновности правительства большевиков в развязывании будущей войны было популярно не только среди антисоветски настроенного населения. В «Обзоре политического состояния СССР» за июнь 1927 г. говорилось о том, что конфликт СССР с Англией и Польшей трактуется как следствие «агитации», «дерзкой и грубой» политики СССР по отношению к капиталистическим странам³⁰. Крестьяне неодобрительно относились к тому, что СССР провоцирует английских рабочих против собственного правительства: «Через коммунистов и война подготавливается, потому что оне там у них бунтуют, пусть перестанут рабочих организовывать на свою сторону». Говорившие так крестьяне демонстрировали знание дела. В частности, они обвиняли власть за то, что она, изъязв церковные ценности, не рассчиталась по долгам с другими государствами, что, по их мнению, было несправедливо и могло стать причиной войны. Крестьяне знали, что посла СССР в Польше убила не буржуазия, как трубила советская пресса, «а сын одной бедной вдовы Каверда». Они признавали право за Польшей на противодействия вмешательству СССР во внутренние дела этой страны, заявляя: «Пускай наши не суют носа куда не следует». Такое представление о провокационной деятельности СССР за границей было распространено во всех слоях населения. Так, уездный землеустроитель Снежко в Заборской волости говорил: «Вот убивают советских вождей за границей, а почему? потому, что все таки наши Полпреды занимаются не тем, что им надо, суют нос не в свою кашу»³¹. Провокационной считал деятельность СССР и бедняк из д. Замосточье Минского округа³².

Обвинения в адрес советского правительства в развязывании конфликта с Англией слышались и в рабочей среде. Здесь говорили, что «в налете на торгпредство виновато наше правительство, которое ведет агитацию за границей» и высказывали сомнение в том, что Англия могла разорвать отношения с СССР без достаточных оснований³³. Еще резче отзывался о вмешательстве советских полпредов в английские дела машинист Лоту на станции Обидимо Сызрань-Вяземской железной дороги, заявляя, «что разогнать наших комиссаров из Англии давно бы пора, чтобы они тоже там не заражали своей вонью»³⁴. Помощник товарного кассира ст. Тула Протопопов, оценивая англо-советский конфликт, задавался вопросом: «Зачем ВКП сует нос в дела Англии и другие страны как Китай, но Вас оттуда гонят в три шеи, а особенно из Китая, пусть воюют коммунисты, Ваша власть и Вы ее защищайте». Такой взгляд на англо-советские отношения был поддержан

таксировщиком товарной конторы Пшеничниковым и осмотрщиком погрузного двора Овчинниковым, весовщиком Петрашовым и маркировщиком Ельнищевым³⁵.

Оригинальную трактовку англо-советским противоречиям давала наиболее образованная часть провинциального общества. В их умозаключениях СССР мыслился наследником экспансионистской политики царской России, которая постоянно входила с противоречия с Великобританией в Средней Азии и на Дальнем Востоке. В связи с этим возникший конфликт объяснялся не претензиями Англии к Советской России, а природой внешней политики России, издавна стремившейся овладеть Индией и Китаем и не способной «по сие время отказаться от завоевательных стремлений»³⁶.

Таким образом, отрицательное отношение к происходящему на международной арене было распространено в разных слоях советского общества и имело самые различные формы проявления несогласия с внешней политикой правительства. Спектр мнений указывает на то, что советским властям не совсем удавалось сконструировать образ враждебной Англии. Часть населения СССР понимала, что советская власть использует события за своими пределами для разжигания классово-борьбы. Так, житель с. Рождественского Тамбовской губернии заявлял в кругу односельчан: «Вспомните слова Ленина, который говорил, что мы только тогда придем к социализму, когда соввласть будет во всех странах, и вот теперь наши вожди сделают так, что война будет»³⁷. А потому провокационная деятельность СССР в различных странах не была тайной для населения. В этой ситуации Англия выглядела защищающейся стороной, тем более что среди части населения провинции имелось положительное мнение об англичанах, с которыми им приходилось сталкиваться. В частности, на ст. Калуга служащий Акимов выражал симпатию по отношению к Англии, которую всячески восхвалял, говоря, «что англичане очень хороший народ и хорошо относятся к русским, примером приводит, когда он был и работал у Колчака в Сибири, где ему все время приходилось быть совместно с англичанами, которые все время снабжали обмундированием и разными продуктами». Сторонниками такого мнения были машинист Майоров, соприкасавшийся с англичанами в Сибири, и машинист ст. Темкино Горбунов³⁸.

Однако массивное давление на сознание населения помогало большевикам творить «образ врага». Но в условиях нараставших внутривластных проблем критического отношения к внешнеполитическим мероприятиям избежать не удалось. Трудно поверить в слова официальных отчетов о безоговорочном и повсеместном одобрении политики правительства СССР, о стремлении людей заниматься военной подготовкой и об укреплении промышленности за счет интенсификации труда. Так, на фабрике им. Ногина 1-го Московского треста во время митинга по случаю разрыва отношений с Англией рабочие не давали говорить оратору, выкрикивая: «Долой три станка, на что нам Англия, мы должны разбираться только у себя, нам не нужно никаких революций» и т. д.³⁹ Рабочие Калужского электромеханического завода при обсуждении возможности войны с Польшей и Англией с надеждой говорили о пользе войны для крестьян, «так как она даст для них новую власть с лучшими порядками, чем существующая, так как настоящее правительство их только обманывает и кроме того угнетает, не давая жить так, как хочется. Существующая власть принадлежит только партийным,

они и живут в свое удовольствие... Пусть идут и воюют большевики, власть ихняя, а мы не пойдем, нам нечего защищать, мы будем смотреть, как их будут по шее лупить»⁴⁰. Таким образом, властям не удавалось заслонить внутривнутриполитические проблемы идеей мировой революции и военной угрозой. Население, обремененное проблемами выживания, высказывало сомнения относительно успехов СССР на мировой арене, выражая неуверенность в возможности солидарности трудящихся и победе мировой революции.

О непростой ситуации в общественном мнении говорит и то, что даже среди коммунистов высказывались опасения относительно будущего СССР в условиях конфликта. На многочисленных собраниях и митингах звучали вопросы, отражавшие колебания коммунистов относительно пролетарского интернационализма в случае возникновения войны. Так, на общегородском партийном собрании Людиновского района спрашивали: «Подготовлено-ли сознание трудящихся в капиталистических странах, чтобы в будущей войне перейти на сторону Красной Армии[?]»; «Можно-ли ожидать поддержку со стороны рабочих Англии и Китая, так как стачка там кончилась не в пользу рабочих, а также наших представителей притесняют и бьют[?]». Аналогичные вопросы задавались и на общегородском собрании Жиздринской партийной организации, а на одном из собраний, посвященных международным событиям, был задан резюмирующий вопрос: «Почему мы рассчитываем, что международный пролетариат не пойдет воевать с нами, т. е. против СССР[?]». Об отсутствии уверенности в этом говорит и вопрос, заданный в Погаре: «Уверен ли СССР в том, что в случае войны его поддержат рабочие других стран, а не империалистов?»⁴¹ На пленуме Тарусского Укома ВКП(б) Калужской губернии в вопросах по докладу представителя губкома слушатели спрашивали: «Может ли быть единство рабочих всех стран[?]», «Что нужно для того, чтобы поднять рабочих на гражданскую войну в капиталистических странах[?]», «Какое отношение английских рабочих к капиталистам и обратно[?]». Задавали и ряд других вопросов, явно указывавших на неуверенность слушателей в поддержке международного пролетариата⁴². Такая постановка вопросов указывает на неверие даже коммунистов в то, что в будущей войне СССР сможет устоять в противостоянии с капиталистическим миром.

Возможная война вызывала опасения среди красноармейцев Брянского гарнизона, в основном, как отмечает информатор, среди «нацмен[ов] из татар, мордвы». Однако нежелание воевать отмечалось среди красноармейцев Брянского гарнизона разных национальностей — русских, белорусов, украинцев и др. В частности, в донесении Политического управления Белорусского военного округа за апрель 1927 г. отмечалось, что «отдельные» красноармейцы выражали «недовольство тем, что СССР со своей политикой лезет в другие страны, а потому капиталисты к нам привязываются». Именно политика партии и Коминтерна способствует «обострению взаимоотношений», думали многие красноармейцы. Анализ информационных материалов заставил составителей «политдонесения» признать, что в ходе проведения кампании, связанной с разъяснением последних международных событий, наряду с общим подъемом, «наряду с фактами, говорящими о боевом настроении и классовом сознании кр-цев», были выявлены и факты «моральной и политической неустойчивости некоторых групп кр-цев.

К этим последним можно отнести: 1) трусость, боязнь войны, неуверенность в силы Красной армии; 2) недоверие комсоставу и особенно младшему, угрозы по его адресу на случай войны; 3) угрозы измены на случай войны и перехода в лагерь противника»⁴³. Для массы красноармейцев война оказывалась вовсе ненужной. Страх войны обострил в этой среде недоверие к «пролетарской» власти, обнажил недостатки в жизни Красной армии. Красноармейцы сомневались в способности СССР противостоять внешнему врагу.

Сомнения относительно перспектив СССР в предстоящей войне были распространены и среди гражданского населения. Одни обрекали СССР на поражение, так как с Англией в союзе воевать будет Америка («вот тогда поборись»), иногда упоминались французы. Перспектива объединенного фронта капиталистических государств для некоторых граждан становилась важным аргументом в пользу того, что войны никогда не будет. Другие, как в Стародубе, упирали на техническую отсталость СССР, заявляя: нам нечем воевать, «а техника Англии способна уничтожить всю Россию в несколько дней». И вообще довольно скептически оценивалась боеспособность Красной армии, которая вооружена «заржавленными винтовками» и едва ли сможет продержаться две недели против технически оснащенной Англии⁴⁴. Это мнение не было умозрительным, население видело состояние армии, ее боеспособность была реально низкой. Распространенным было понимание того, что в случае войны с Англией «песенка» советской власти «будет спета»⁴⁵. Объективность этой оценки подтверждается и мнением начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского, который имел все основания заявить в своем докладе в Политбюро ЦК ВКП(б) еще в декабре 1926 г.: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы. наших скудных материальных боевых мобилизационных запасов едва хватит на первый период войны. В дальнейшем наше положение будет ухудшаться (особенно в условиях блокады)»⁴⁶. Таким образом, никакими интернациональными лозунгами нельзя было победить страх перед войной и теми последствиями, которыми она сопровождается. Угроза войны показала слабость всей системы отношений, сформированных за то время, которое большевики были у власти. Население, трезво оценивая достижения новой власти, не верило в ее способность справиться с экономически более развитым противником, тем более что реальной виделась борьба с единым фронтом капиталистических государств.

Расхождение интересов власти и населения порождало попытку части граждан выдвинуть власти условия, при которых люди готовы были встать на ее защиту. В частности, в д. Красноярке Самарской губернии крестьяне требовали сокращения ставок ответственным работникам. В принятой собранием резолюции отмечаются условия поддержки власти: «Если крестьянину дадут полную свободу распоряжаться своим трудом, свободно вырабатывать свой продукт и продавать его на базаре по ценам, желательным для крестьян. Ответственным работникам и вообще служащим зарплату снизить до уровня рабочего». В с. Зерново Брянской губернии резолюция о международном положении, предложенная докладчиком, была отклонена и принята резолюция следующего содержания: «Защита от внешних врагов необходима, если придется стоять дружно против нападающего на советскую власть врага, то наши матери, отцы, жены и дети не должны остаться

на произвол судьбы и до взятия нас в ряды боя власть должна их обеспечить в первую голову»⁴⁷.

Военно-экономическая отсталость СССР была настолько очевидна, что население страны, не веря в возможность победы в будущей войне, мушкетировало слухи о попытках советского правительства откупиться от потенциальных противников, среди которых виделись Англия, Польша и Франция. Крестьяне Дорогобужского уезда Смоленской губернии распространяли слухи о том, что правительство СССР скупает свиней на всех рынках, для того чтобы отправкой их в Англию погасить долги и уладить конфликт. В других уездах крестьяне сообщали, что все экспортное сырье Англия засчитывает в счет царских долгов за царские же деньги⁴⁸. Слух о погашении царских долгов перед Англией имел хождение в народе задолго до англо-советского конфликта, но с его началом он приобрел новое звучание и стал мотивом многих разговоров. Так, недостаток хлеба в городах породил слух о том, что СССР, стремясь избежать войны с Англией, пытается от нее откупиться, отправляя хлеб в Англию. Калужские же рабочие конкретизировали размер отступных в пользу Англии и Польши в количестве 1 млн пудов белой муки. Представление о слабости СССР в противостоянии с Польшей и Англией встречается в информационных материалах довольно часто. Среди населения преобладало мнение, что на все претензии этих стран советская власть готова откупиться⁴⁹. Эти суждения не были беспочвенными, до людей доходили какие-то смутные слухи о разногласиях в правящих кругах относительно возможной войны. Некоторые члены советского руководства (Сталин, Сокольников, Чичерин) поддерживали идею «откупиться от войны»⁵⁰. Несомненно, такая политика была продиктована пониманием военно-экономической неспособности СССР противостоять экономически более развитым странам Запада. Это осознавалось не только наиболее реалистично настроенной частью руководства страны, но и частью не желавшего воевать населения.

Другие аргументы были у крестьян, которые не хотели войны и были готовы на многие материальные жертвы и уступки, лишь бы избежать участия в боевых действиях⁵¹. В задаваемых вопросах на митингах и собраниях слушатели высказывали опасение за исход возможной войны. Их вопросы выражали сомнения в способности СССР противостоять буржуазным государствам и говорили о стремлении понять, насколько Советский Союз военно-экономически готов к войне. И их оценки были не в пользу СССР. По мнению крестьян, слабость советской власти вела к тому, что в любом случае правительство СССР будет сносить все обиды ради сохранения собственной власти: «Ему плюют в глаза, а оно говорит: божья роса», — заявляли они. Даже «если Англия потребует от Союза восстановления частной собственности, то на это он согласится, так как бессилён воевать, по бедности»⁵².

Военно-экономическая отсталость, по мнению некоторых граждан СССР, заставит отречься от завоеваний Октябрьской революции. И первым шагом на этом пути будет отказ по требованию Англии от празднования «Октябрьской годовщины у себя в России», как говорили на собрании в Петровском заводе Калужской губернии⁵³. А затем Англия потребует от «Соввласти выполнить ее программу: долой Коммунизм и избрать Учредительное собрание, или избрать президента. И нашим в силу необходимости придется выполнить, потому что другого исхода

не будет»⁵⁴. Таким образом, представление о военно-экономической слабости большевистского режима для некоторой части населения давало надежду на гибель СССР и создание демократического общества, построенного на рыночных отношениях. Недовольство населения как причина возможного нападения Запада на СССР отмечалась в разных районах страны, причем для многих западные страны казались благодетелями русского народа⁵⁵. Некоторые даже радовались возможности при помощи Англии уничтожить большевизм. В частности, бывший купец из с. Сарай Рязанской губернии А. Лукашов по поводу возможности создания антисоветского блока, о котором писали советские газеты, устроил выпивку, на которой присутствующие поздравляли друг друга со скорым освобождением⁵⁶. Ожидания, что Англия поступит справедливо, встречались и в других выступлениях. Так, на беспартийной крестьянской конференции в с. Песочня Брянской губернии в прениях по докладу о международном положении выражалась надежда на то, что Англия в отличие от Деникина не будет возвращать землю помещикам⁵⁷. Насколько желание гибели СССР носило массовый характер — говорить сложно. Вероятно, все же большинство населения было против краха СССР, но присутствие таких суждений говорит о наличии граждан, скептически относящихся к словам власти о ее успехах.

Таким образом, обострение отношений с Англией и некоторые другие международные события поставили в общественном сознании ряд вопросов, связанных с пониманием населением принципов пролетарского интернационализма и мировой революции. Партийное руководство, вероятно, вполне оптимистично смотрело на развитие революционных процессов в различных странах мира, внося долю оптимизма в общественные настроения. Однако «военная тревога 1927 г.» показала всю сложность и мозаичность общественных настроений. Советской власти за десятилетие строительства нового общества удалось преуспеть в воспитании масс. В результате всех мероприятий, проводившихся в рамках освещения международных событий, у большинства населения страны сложилось представление о миролюбивой внешней политике СССР. Люди говорили: «Советская власть ведет мирную политику, поэтому воевать не хотим и не будем»⁵⁸. В высказываниях крестьян виновными в напряженных отношениях объявлялись Англия и Польша, что было явным отражением пропагандистской кампании, развернувшейся в СССР против этих стран. Крестьяне были уверены: мы можем обойтись без английских товаров, «а они теперь со своими товарами пропадут»⁵⁹.

Вместе с тем близость войны проявила весь негатив, накопившийся за десятилетие нахождения коммунистов у власти. Люди уже не верили безоговорочно в слова большевиков о миролюбивости их политики, разочаровались в обещаниях создания справедливого общества, а потому угроза войны позволила говорить о том, что ранее было глубоко запрятано в сознании, прежде всего о неудовлетворенности достижениями советской власти в деле построения социалистического общества. Можно сказать, что огромная масса людей постепенно начинала прозревать, видя результаты политики большевиков. Все это рождало чувство социального разочарования, массовой фрустрации.

¹ *Нежинский Л. Н.*: 1) В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004; 2) Была ли военная угроза СССР в конце 20-х — начале 30-х годов? // История СССР. 1990. № 6. С. 14–30; *Симонов Н. С.* «Крепить оборону страны Советов»: «военная тревога» 1927 года и ее последствия // Отечественная история. 1996. № 3. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5875 (дата обращения: 10.03.2016); *Кудюкина М. М.* Война, которой не было: военная угроза 1927 г. // Homo Belli — человек войны в микроистории и истории повседневности. Нижний Новгород, 2000. С. 261–262; *Баранов А. В.* «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятий. Вып. 4. М., 2007. С. 175–193; *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008; *Исянгулов Ш. Н.* «Военная тревога» 1927 года и проблема военного обучения населения в системе Осоавиахима (на примере Башкирской АССР) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10. История. Вып. 39. С. 57–60; *Брянцев М. В.* Состояние ожидания войны и общественные настроения в 1927 г. // *Studia internationalia: матлы III межд. науч. конференции «Западный регион России в международных отношениях Х–XX вв.»*, 2–4 июля 2014 г. Брянск, 2014. С. 273–281; и др.

² *Ольшанский Д. В.* Психология масс. СПб., 2002. С. 186.

³ Цит. по: *Симонов Н. С.* «Крепить оборону страны Советов»...

⁴ Государственный архив Брянской области (далее — ГАБО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 68–69 (здесь и далее при цитировании архивных материалов сохраняются стилистика, орфография и пунктуация оригинала).

⁵ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1684. Л. 185, 109, 182.

⁶ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 146; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.): в 10 т. Т. 5. 1927 г. М., 2003. С. 419.

⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 424.

⁸ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 184.

⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 453.

¹⁰ *Нежинский Л. Н.* 1) В интересах народа или вопреки им?.. С. 243–276; 2) Была ли военная угроза СССР в конце 20-х — начале 30-х годов?

¹¹ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1684. Л. 197–198.

¹² Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее — ГАДНИКО). Ф. П-1. Оп. 10. Д. 48. Л. 224.

¹³ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее — ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 3061. Л. 5.

¹⁴ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1727. Л. 354–354 об.

¹⁵ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1408. Л. 397.

¹⁶ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3061. Л. 5.

¹⁷ *Brooks J.* Official Xenophobia and Popular Cosmopolitanism in Early Soviet Russia // *American Historical Review*. 1992. Vol. 97, no 5. P. 1442.

¹⁸ Коминтерн и идея мировой революции: документы / отв. ред. Я. С. Драбкин. М., 1998. С. 610.

¹⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 419.

²⁰ По замечанию американских психологов Р. Бэрона и Д. Ричардсона, ведущую роль в агрессии, применении насилия против других людей играет происходящий в сознании человека воображаемый конфликт, который может и не быть связан с реальными интересами и действиями людей, а вызывается ложными установками и ценностями (*Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. М., 1998. С. 217–218).

²¹ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 97.

²² *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»... С. 124.

²³ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 109, 111, 124.

- ²⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 363.
- ²⁵ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923–1929. М., 2000. С. 576; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 523.
- ²⁶ ГАДНИКО. Ф. П-49. Оп. 6. Д. 29. Л. 10.
- ²⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 587.
- ²⁸ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939. Т. 2. С. 579–580.
- ²⁹ ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 126. Л. 130.
- ³⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 421.
- ³¹ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 74, 75, 153, 154.
- ³² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 521.
- ³³ Там же. С. 363.
- ³⁴ ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 126. Л. 128. — Вообще же представление о постоянном вмешательстве СССР в дела других государств, в частности в английские, было столь распространённым, что даже попало в фольклор. Так, в народной сказке, записанной в 1925 г. в Иваново-Вознесенской губернии, английский «царь» говорит своим приближенным, что за морем, за океаном сидит «враг лютей», который посылает «гонцов своих для распри к народу моему возлюбленному» (Ленин и Сталин в творчестве народов СССР. М., 1938. С. 24).
- ³⁵ ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 126. Л. 153.
- ³⁶ Там же. Л. 55.
- ³⁷ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939. Т. 2. С. 580.
- ³⁸ ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 126. Л. 154, 160.
- ³⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 447.
- ⁴⁰ ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 126. Л. 966.
- ⁴¹ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 67; Д. 1969. Л. 47.
- ⁴² ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 48. Л. 294; ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2711. Л. 157.
- ⁴³ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1727. Л. 268 об., 191.
- ⁴⁴ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 17, 20, 101.
- ⁴⁵ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3214. Л. 506.
- ⁴⁶ Цит. по: *Симонов Н. С.* «Крепить оборону страны Советов»...
- ⁴⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 431, 587.
- ⁴⁸ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3214. Л. 183; Д. 3010. Л. 12.
- ⁴⁹ ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 126. Л. 967; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 563.
- ⁵⁰ *Кэн О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.). М., 2008. С. 42.
- ⁵¹ *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»... С. 125–126.
- ⁵² ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 137, 16.
- ⁵³ ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 126. Л. 80.
- ⁵⁴ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 20.
- ⁵⁵ *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»... С. 98.
- ⁵⁶ ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 126. Л. 154.
- ⁵⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. С. 521.
- ⁵⁸ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1684. Л. 199.
- ⁵⁹ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1495. Л. 601.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Брянцев М. В. Англо-советский конфликт 1927 года в представлении населения советской провинции // *Новейшая история России*. 2017. № 3 (20). С. 100–114. УДК 94(47).084.5+172.1

Аннотация: Данная статья посвящена представлению населения Советской России об англо-советском конфликте 1927 г. Опираясь на материалы региональных архивов, автор отмечает, что обострение отношений с Англией и ряд других международных событий поставили в общественном сознании ряд вопросов, связанных с пониманием населением принципов пролетарского интернационализма и мировой революции. В результате всех мероприятий, проведенных в рамках освещения международных событий, большевикам удалось сформировать у большинства населения страны представление о миролюбивой внешней политике СССР. Однако «военная тревога 1927 г.» наглядно продемонстрировала всю сложность и мозаичность общественных настроений. Анализ материала показывает, что, несмотря на массивную обработку населения, властям все же не удалось избежать негативных оценок деятельности СССР на международной арене. Мнение о виновности правительства большевиков в развязывании будущей войны было популярно не только среди антисоветски настроенного населения. Вместе с тем разрыв отношений Англии с СССР позволил поставить вопросы внутренней политики большевиков, задуматься о результатах их десятилетнего правления. За это время у населения сформировалось разочарование в обещаниях создать справедливое общество, а потому угроза войны позволила говорить о том, что ранее было глубоко запрятано в сознании, прежде всего о неудовлетворенности достижениями советской власти в деле построения социалистического общества. Можно сказать, что огромная масса людей постепенно начинала прозревать, видя результаты политики большевиков. Все это рождало чувство социального разочарования, массовой фрустрации. В этих условиях часть населения была готова согласиться на поражение СССР в предстоящей войне, отмечая экономическую и социально-политическую слабость создаваемой большевиками системы.

Ключевые слова: Англия, СССР, население, конфликт, война, большевики, агитация, кампания, разочарование.

Сведения об авторе: *Брянцев М. В.* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Брянский государственный университет (Брянск, Россия); bmvbox@mail.ru

FOR CITATION

Bryantsev M. V. Anglo-Soviet Conflict of 1927 in the Representation of People of the Soviet Provinces, *Modern History of Russia*, no. 3, 2017, pp. 100–114.

Abstract: This article is devoted to the representation of the population of Soviet Russia of the Anglo-Soviet conflict in 1927. Based on materials of regional archives, the author notes that the deterioration of relations with Britain and a number of other international events have put in the public mind a number of questions related to the understanding of the population of the principles of proletarian internationalism and the world revolution. As a result of activities undertaken within the framework of the international coverage of events, the Bolsheviks managed to form the majority of the population view of the peaceful foreign policy of the USSR. However, the "military alert in 1927" clearly showed the complexity of the mosaic and the public mood. Analysis of the data shows that, in spite of the massive processing of the population, the authorities did not manage to avoid negative evaluations of the USSR in the international arena. Opinion of the Bolshevik government's culpability in unleashing a future war was popular not only among the anti-Soviet population. At the same time, the gap in England relations with the USSR allowed to put questions of internal policy of the Bolsheviks, to reflect on the results of their ten-year reign. During this time, the population was formed in disappointment promises to create a just society, and therefore a threat of war made it possible to say what was previously hidden deep in the mind, first of all, it is dissatisfaction with the Soviet government achievements in building a socialist society. We can say that the great mass of people gradually began to see clearly, seeing the results of the policy of the Bolsheviks. All this gave rise to a feeling of

social frustration, mass frustration. Under these conditions, part of the population was ready to accept the defeat of the USSR in the coming war, noting the economic and socio-political weakness of the system created by the Bolsheviks.

Keywords: England, Soviet Union, Population, Conflict, War, Bolsheviks, Agitation Campaign, disappointment.

Author: *Bryantsev M. V.* — Doctor of History, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Bryansk State University (Bryansk, Russia); bmwbox@mail.ru

References:

- Baranov A. V. "“Voennaya trevoga” 1927 g. kak faktor politicheskikh nastroyeniy v nepovskom obshchestve (po materialam Yuga Rossii)", *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiy*, iss. 4 (Moscow, 2007).
- Behron R., Richardson D. *Agressiya* (Moscow, 1998).
- Brooks J. 'Official Xenophobia and Popular Cosmopolitanism in Early Soviet Russia', *American Historical Review*, no 5, vol. 97, 1992.
- Bryantsev M. V. 'Sostoyanie ozhidaniya voyny I obshchestvennye nastroyeniya v 1927 g.' *Studia internationalia: mat-ly III mezhd. nauch. konferentsii "Zapadnyy region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh X–XX vv."*, 2–4 iyulya 2014 g. (Bryansk, 2014).
- Golubev A. V. "“Esli mir obrushitsya na nashu Respubliku”": *Sovetskoe obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1920–1940-e gg.* (Moscow, 2008).
- Isyangulov Sh. N. "“Voennaya trevoga” 1927 goda I problema voennogo obucheniya naseleniya v sisteme Osoaviakhima (na primere Bashkirskoy ASSR)", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, Istoriya, Iss. 39, 2009.
- Ken O. N. *Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konets 1920-kh — seredina 1930-kh gg.)* (Moscow, 2008).
- Komintern i ideya mirovoy revolyutsii: dokumenty*, Ed. Ya. S. Drabkin (Moscow, 1998).
- Kudyukina M. M. 'Voyna, kotoroy ne bylo: voennaya ugroza 1927 g.', *Homo Belli — chelovek voyny v mikroistorii i istorii povsednevnosti* (Nizhny Novgorod, 2000).
- Lenin i Stalin v tvorchestve narodov SSSR* (Moscow, 1938).
- Nezhinskiy L. N. 'Byla li voennaya ugroza SSSR v kontse 20-kh — nachale 30-kh godov?', *Istoriya SSSR*, no 6, 1990.
- Nezhinskiy L. N. *V interesakh naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 godakh* (Moscow, 2004).
- Olshanskiy D. V. *Psikhologiya mass* (St. Petersburg, 2002).
- Simonov N. S. "“Krepit oboronu strany Sovetov”: “Voennaya trevoga” 1927 goda i ee posledstviya', *Otechestvennaya istoriya*, no 3, 1996.
- "Sovershenno sekretno": *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 g.)*, Vol. 5, 1927 g. (Moscow, 2003).
- Sovetskaya derevnyaya glazami VCHK — OGPU — NKVD. 1918–1939: dokumenty i materialy: v 4 t.*, Vol. 2. 1923–1929 (Moscow, 2000).